

НЕВЕДОМАЯ СИЛА

Валерий Иванович Слюньков родился в 1941 году в Моздоке Северо-Осетинской АССР, в семье офицера, потомственного казака. В начале войны был эвакуирован вместе с матерью (отец погиб на фронте в 1945 году) на её родину, в Чкалов. Окончил школу, работал электриком, служил в армии. Трудился до пенсии авиатехником на лётной испытательной станции Оренбургского авиаремонтного завода. Рыбак, огородник, садовник. Живёт в Оренбурге.

Вот опять! Поплавок, плавно убыстряясь, двинулся из заводи. Подсечка! Невидимая могучая сила потянула звенящую от напряжения лесу и снова — от края заводи в сторону протоки у близкого берега. Пытаясь облегчить снасть, как можно дальше дать ход неведомому существу в глубине, Валёк вытянулся в струнку, рискуя свалиться с лодки, но... удилице и леса неудержимо сошлись в одну линию, и от исчезнувшей вдруг силы его бросило к другому борту. Леса оборвалась. На этот раз потеря не только крючка: невидимый речной силач утащил и грузило. Всё, нарыбачился! Если бы только крючок, привязал бы запасной; их под козырьком выдавшей виды фуражки не один. Давно надо было завести запасную снасть; катушка с леской лежит чуть начатая, удилица — черёмуха вон по берегу ещё не отцвела. Отвязывая лодку от кольев, потихоньку успокаиваясь от пережитого волнения, не переставал

вглядываться в струи быстрины, обтекающей заводь между ней и берегом, словно пытаясь увидеть непонятное и сильное, что уже в третий раз хватает его крючок и спокойно уходит, показывая такую мощь, с какой ему не совладать.

Пару раз ударил вёслами и у берега вылез из лодки, взялся за верёвку, привязанную к её носу. Против течения к стану на вёслах не осилить, надо, как говорят на реке, «бечевой». Вода, не прогревшаяся с начала лета, прохладная и не очистившаяся ещё от весенней мути, приятно струилась по ногам, и вездесущие пескари смело толкались в кончики пальцев.

Обходя недавно принесённое выдыхающимся паводком, смытое где-то вверху дерево, забрёл на глубину и, цепляясь за ветки, протащил лодку рядом с поверженным осокорем. Солнце, поднимаясь выше, начинало припекать. Валёк, стащив рубашку, бросил её в лодку и пошёл босыми ногами по мелководью, разгоняя стайки рыбьей мелочи.

Поравнявшись со станом на другом берегу, сел за вёсла и начал грести наискосок против течения, чувствуя на стрежне могучую силу реки, стремящуюся подчинить лодку своему неудержимому ходу. Пришлось взять ещё круче к течению и налечь на вёсла. Под обрывами река утихла, и Валёк, прижимаясь к берегу, подогнал лодку к мосткам.

Деда в балагане не было, пошёл в обход огородов «несть службу». Закопчённый чайник был ещё горячим. После еды разморило, потому как разбужен был дедом сегодня на рассвете, сам просил, чтобы пораньше. Но надо было заняться уловом, что успел поймать до этой странной, загадочной и роковой для снасти поклёвки.

Очищенную рыбью мелочь круто присолил и поставил кастрюльку в ямку, сделанную в ручье, вытекающем из родника, откуда они брали воду на варку и чай. Варить «юшку», как называл уху дед, ещё рановато, а в студёной воде рыба хорошо сохранилась.

Надо было чинить снасть, и он, увлечённый вырезанием из куска коры поплавок, не услышал, как подошёл дед, и даже вздрогнул от неожиданного вопроса:

— Ну и где рыба?

Опираясь на крепкую суковатую палку, дед стоял на обрыве, примериваясь спуститься к балагану, с усмешкой глядя на пустой садок, лежащий в лодке. Не ожидая ответа, прошёл в балаган, и слышно было, как он, хрустя сухой травой, настеленной для мягкости на лежаке, устраивался отдохнуть.

Валёк, не переставая подчищать ножом поплавок, поднялся поближе к дверке балагана: — Деда, опять у меня этот зверь оборвал леску.

В балагане вновь захрустела трава под тощим матрасом. Дед

с удивлённым и озадаченным видом выбрался наружу, присел на врытую у входа скамейку.

— Слышь-ка, а может, коряжины какие течение пронесит, топляк, у тебя и клюёт?

— Не! Тогда бы по течению тянуло, в заводи-то нет течения. Вытягивает из неё и не в реку тащит, а к берегу.

Дед уставился на заречный лес, словно пытался там разглядеть чудище, что поселилось в их заводи.

— Да, незадача! Такое может нам загубить заводёшку. Разгонит всю нашу рыбу. Будем зря прикорм переводить. Только в голову не идёт, кто это может быть, — помолчал, раздумывая. — Сазану ещё рано, это рыба серьёзная, своё время знает, недели через три начнёт буяннить да кормиться. Да и редка она стала в наших краях. Сому здоровенному твой крючок и не разглядеть, хотя ему сейчас самое время шевелиться, да только поленится он за малым червячком гоняться. И сильно тащит?

— Не удержать, и ты бы не удержал.

— Так слушай, голова. Зачем держать-то? Просто бросай удочку-то. Большая рыба у своего места живёт, далеко не уйдёт. Лодку отвязывай — и за ним, удилице не утонет, нет у нас таких глубин.

Валёк, досадуя на себя, что сам не догадался, хотя не раз слышал рассказы о таких случаях, попытался было поспорить.

— Да, я брошу, а он как рванёт — попробуй догони.

— Никуда не рванёт! Если это рыба, значит, большая, а большая — домовитая. Ну а на юшку-то успел чего наловить?

— Мелочёвка, деда, но на хорошую уху хватит. Я пока удочку налажу, хочу ещё в запас сделать. А то... опять этот змей порвёт всё.

Через час новая леса с поплавком и грузилом из кусочка свинца, небольшим кованым крючком, который не разогнёт даже самая большая рыба, а также запасная леса со всем полагающимся набором были готовы. Запасная снасть намотана на кусок картона и положена в лодку, в случае чего привяжи к удилицу и снова лови. Дед там временем почистил картошку и, кряхтя, спустился к роднику. Начерпал в котелок воды и, прихватив кастрюльку с рыбой, поднялся наверх к их камельку, сложенному из нескольких кирпичей. Задымил костерок, а затем и запах доброй ухи заставил Валька заканчивать дела и подниматься к столу.

Дед его любил порядок во всём и, устраиваясь на всё лето на стане, не хотел нагибаться над едой, сидя на земле, поэтому после зимы первым делом восстанавливал стол и скамейки. Готовиться к лету начинал с середины апреля, когда заканчивался отопительный сезон и он, истопник бытовок депо, получал расчёт до осени и новое назначение — сторожа

деповских огородов. Сразу после ледохода отправлялся на берег, где начинался большой клин этих огородов, шедший вдоль реки. Пока не начинались огородные дела, надо было поправить балаган, сходить на переправу, где вместе с «казёнными» хранилась зимой и его лодка, за что дед носил лодочникам, как он называл, «весеннее настроение» — бутылку водки. Ещё до большой воды успевал поправить и просмолить где надо свою совсем уже не новую, но ещё добрую плоскодонку. Потом река поднималась, кое-где перехватывая луговые дороги и тропинки, но, быстро отшумев, успокаивалась в привычных берегах.

Начинались огородные заботы, и дед надолго пропадал на поле вместе с «профсоюзом», как он называл человека от профкома, занимаясь с ним разбивкой делян. В ближайшее погожее воскресенье многолюдно становилось на огородах. Деповской народ, с видимым удовольствием подставляя незагорелые свои тела солнышку, сажал картошку, пошучивая друг над другом, а закончив дело, кое-где начинал позванивать стаканами и даже запросто мог завести и песняка. Распаханное поле принимало обжитой вид; деляны были выглажены граблями, и по краю тропинок ровными рядками стояли бирки с фамилиями «землевладельцев».

Долго, не меньше трёх недель, пока не появятся кудрявые картофельные всходы, пусты огороды, а потом будут рачительные хозяева полоть и окучивать, а поработав, непременно подойдут поговорить с дедом-караульщиком, к примеру, о видах на урожай и обязательно о рыбалке.

И второй год рядом с их балаганом ставит свой небольшой шалаш старинный дедов приятель Фрол Макеич, как он говорил, «чтоб хоть летом-то бабкина пила меня бы не доставала», только, как понял Валёк, пошучивал он. Бабка его, та самая «пила», частенько приходила проведать и подкормить своего Фрола.

Пару дней назад Макеич закончил «ремонт» своего шалаша, завёз кое-какое имущество и обещал на днях перебраться на берег на всё лето, взяв у деда заказ на продукты. Что ж, это соседство очень даже кстати, потому что, как поговаривал дед, человек тоже стадо любит. И недобрый людям большая острастка, считай, два караульщика, да и внук разве не в счёт?

Школьный год Валёк закончил — и тоже к деду, на берег, о котором всю зиму мечтал и весну подгонял. А сейчас у караула одна забота, чтобы рыбаки, идущие к реке, не протапывали, сокращая путь, тропинки по огородам, и если не удавалось их вовремя остановить, дед граблями заравнивал следы.

— Если и завтра Макеич на своём драндулете не прискачет, придётся тебе, парень, в город налаживаться, — указывая глазами на остаток хлебной буханки, проговорил дед, выбирая из чашки кусочки рыбы. — На исходе наши харчи. На одной ухе мы с тобой в реку попадаем. Возьмёшь дома шмат сала, пшено у нас есть; кулешом тебя попотчую. Самая первейшая еда в поле. Конечно, неплохо бы к дому-то и рыбёшки подловить, может, что и поймаем, сегодня начну донки ставить, уже время. Запарю прикорму — подойдёт рыба, небось, тоже есть хочет. А я к вечеру опять на заводь встану.

Валёк, сложив в опустевший котелок чашки-ложки, пересиливая сытую лень, спустился к мостку перемыть посуду. Солнце, войдя в зенит, жарило уже со всей летней силой, слепящими бликами отражаясь в воде, и он подумал: хорошо, что дед поставил шалаш под осоком, где можно отсидеться в самую жару. В прохладе балагана, пахнувшей увядшей листвой веток крыши, Валёк помог деду разобрать и перемотать лесы донок, подточить крючки и, набрав немного сухого жмыха на прикорм, спустился к лодке. Было по-прежнему жарко, но солнце уже склонилось к западу, и всё предвещало скорую вечернюю прохладу. Выйдя на стрежень, бросил вёсла, поджидая, когда река поднесёт лодку к месту, где они с дедом уже неделю назад как соорудили заводь

— забили в ряд четыре хороших жердины и перекрыли течение ветками ивняка.

Досталась эта работа им обоим непросто: сильное течение норовило снести лодку, да и забиваемые обухом топора колья трудно входили в галечное дно. Дед пару дней после этого кряхтел, держась за поясницу. Зато сооружение получилось на славу, и можно было ловить, причаливая лодку бортом прямо к кольям заводи. А на следующий день они увидели, что ночью принесло к этому месту здоровенное дерево, и порадовались, что повезло и махина не порушила их труд, застряв на берегу рядом.

Поравнявшись с заводью, Валёк причалил к берегу у поваленного осокоря, наделал из береговой земли и жмыха «бомбы» прикорма, чтобы течение не сразу вынесло жмых в реку, и «отбомбил» своими снарядами, распугивая многочисленную рыбью мелочь, середину заводи. Не спеша — пусть всё успокоится — он стал разматывать удочку, представляя, как там, в глубине заводи, рыбий народ, шарахнувшийся было в стороны, осторожно приближается к заманчиво пахнувшим шарам и скоро начнёт добывать из них кусочки лакомства — жмыха.

Такой прикормки хватит и на утреннюю зарю. И вдруг поймал себя на мысли, что где-то глубоко внутри себя всё это время он уже ждёт новой атаки неведомого речного разбойника,

но, отмахнувшись от назойливой мысли, аккуратно, без всплеска, опустил снасть в тишь заводи.

Поплавок недолго постоял недвижим, и вот, чуть притопившись, тронул неспешно в сторону; так клюёт только серьёзная рыба, и Валёк, сдерживая волнение, подавляя желание рвануть вверх удилице, дождался, когда поплавок, убыстряясь, уверенно направился из заводи, и резко подсёк. В первый момент мелькнула мысль, что зацепил, потому что там, в глубине, что-то намертво держало снасть, но потом слегка поддалось, и он, не торопясь, как учил дед, вывел к лодке ещё невидимую рыбу. Одной рукой удерживая удилице, потянулся за подсачеком и, опустив его в воду, стал, всё выше задирая удилице, поднимать добычу, и вот он — красавец лец, плещет у борта. Привстав на скамейке, изловчился... и рыбина в сетке.

Потихоньку успокаиваясь, Валёк отправил добычу в садок; так что у деда завтра уже есть что отнести домой. Так дело пойдёт — может, ещё чего повезёт зацепить. Снова поплавок покачивается на воде, и на него целится «приземлиться» какая-то глупая бабочка, но, засмотревшись, он всё-таки заметил что-то непонятное, происходящее в заводи. Во все стороны брызнула рыба мелочь, и тут же, во всю ширину заводи, прямо от её края пошла, всё убыстряясь, чуть заметная,

подсвеченная солнцем волна и, поравнявшись с поплавком, повлекла его за собой.

Вот он! Змей! Уже зная результат, рванул удилице, и знакомая, неумолимая и непобедимая сила вновь рвала удилице из рук, и когда катастрофа для снасти уже казалась неминуемой, Валёк выпустил её. Удилице плюхнулось в воду, резво понеслось в сторону берега и, выйдя из затиши заводи, поплыло было по течению, но, удерживаемое чем-то неведомым, стало описывать дугу на лесе, приближаясь к поваленному осокорю, и остановилось рядом с его ветками, мотая на быстрине из стороны в сторону своим комлем.

Торопливо отвязывая лодку, он не сводил глаз с удилица, но оно никуда не уплывало и вдруг, влекомое непонятной силой, начало медленно двигаться... назад. Вот, слегка зарываясь кончиком в воду, удилице всплыло в заводь и в тихой воде по инерции потянулось прямо к лодке, повторив наоборот путь своего «побега».

Представив, что это непонятное и сильное находится сейчас прямо перед ним в глубине заводи, Валёк испытал было настоящий страх; старался рассмотреть его в тёмной глубине и в то же время боялся увидеть что-то действительно страшное. Веслом подцепив под водой лесу, он подтянул за неё удилице и положил на край борта. Крючок зацеплен прочно, и пытаться поднять то

неведомое, что удерживает его в глубине, значит снова лишиться снасти. Опустив весло рядом с натянутой лесой, Валёк наткнулся им на... обыкновенную коряжину, вернее, какую-то довольно толстую лесину, пройдясь по которой веслом, определил, что она выходит за пределы заводи и, скорее всего, принадлежит приплывшему осокорю.

Похоже, пропал вечер. Надо было разбираться с этой загадкой, не бросать же построенную с такими трудами заводь. Раздевшись и придерживаясь за крайний кол, Валёк осторожно опустился в воду. Река ещё хранила память не так давно прошедшего ледохода и поначалу обожгла разогретое солнцем тело колющим холодом. Но вот, пообвыкнув и погрузившись по шею, он сразу нащупал ногами толстенную ветку, считай, целый ствол, от которого отходили многочисленные, покрытые листьями, мелкие ветки.

Нырнул и, борясь с течением, перебирая руками за ветки, пересёк узкую протоку прямо до места, где злополучная лесина, надломленная при падении дерева, удерживалась за основной ствол. Вынырнув и отдышавшись, Валёк, держась за сучья, попытался попрыгать на ней, может, получится доломать; но тщетно: слегка изогнутая на изломе и, кажется, дрожащая от какого-то напряжения ветка не поддавалась. Придётся сплавать за пилой, отпилить эту лесину от

ствола и отправить дальше по течению. Но почему, сейчас неподвижная, ветка эта моталась под водой?

И вдруг он почувствовал, как она начинает сгибаться! Вот, свалившись из лодки, шлёпнулось в воду и вновь поплыло к берегу удилице и опять замоталось комлем рядом с деревом. И тут он заметил то, чего не замечал раньше.

Перед тем как начинался этот фокус, река усиливала течение, и струя, огибая заводь, заходила чуть внутрь её и, похоже, вытягивала за «паруса» облиствённых веток лесину. А дальше течение подхватывало и прижимало к дереву. Но вот река притихает, и согнутый в пружину излом у ствола, распрямляясь, отправляет её на место, прямо в заводь. И вот оно, подтверждение догадки: удилице, влекомое лесой, вновь отправилось к лодке.

Понятно. Заплыв в заводь и поймав лесу, Валёк нырнул, нащупал вонзившийся в кору крючок, с трудом вытащил его. Вынырнув, отдышался — и вновь к лесине, он нашёл и отцепил ещё два оторванных раньше крючка с обрывками лесы. Теперь скорее одеться; согреваясь, придумывал, что надо сделать. Отвязав лодку, причалил к тому месту, куда по расчёту должна приплыть своей вершиной злополучная ветка. Вот так дела! Расскажи кому — не все поверят! Он и раньше с удивлением замечал, что не течёт река на быстрине

ровным потоком, а как бы дышит; то забурлит вдруг, закрутит, заволнует струи — и снова течёт ровно и спокойно до следующего возмущения. Но чтобы всё так сошлось?

Но вот в протоке, как бы выдавленная снизу, забурлила вода, и Валёк, опустив в воду весло, почувствовал толчок и, пропустив невидимую ветку, прижал её веслом, уперев в борт лодки. Лезть в воду больше не хотелось, и он вторым веслом подцепил из воды нетолстый сушок от лесины-путешественницы и куском шнура привязал его к стволу. Отпущенная ветка вместе со шнуром медленно ушла в воду. Всё. Теперь ничего не будет мешать.

Ну что, время порыбачить ещё есть, надо снова вставать на заводь, и Валёк, отвязывая лодку от дерева, осмотрелся вокруг. На недалней переправе от лесного берега отходил паром. Значит, народу собралось много, на лодках намахаются вёслами, а на пароме всегда есть желающие помочь тянуть за трос, и можно отдохнуть.

И ещё он с радостью заметил, что на обрыве, у шалаша Макеича, поблёскивает его знаменитый мотовелосипед, которым он очень гордится и который его дед, подначивая владельца, называет «лисапед с проигрывателем». Хорошо, значит, сегодня будет чем поужинать, кроме надоевшей ухи. И тут же увидел, что вниз по течению быстро шла

по самой стремнине лодка. Он рассмотрел на её носу какой-то номер, понял, что с переправы, и удивился. Кто это? Лодка, поравнявшись с заводью, развернулась боком и причалила... к заводи. Их заводи! Повернувшись лицом к берегу, незваный гость увидел Валька и даже вздрогнул от неожиданности.

— Так ты здесь, рыбачок? Ну что ж, порыбачил? Дай и другим душу отвести!

— Так это... наша заводь, мы с дедом...

— Вы что с дедом? Реку купили? Такой молодой, а уже частник! Небось, в комсомоле состоишь?

Молодой, крепко сбитый мужик, понятно, что с переправы, но незнакомый. Валёк знал всех, значит, новичок. Тем временем тот, с весёлой и, надо признать, дружелюбной ухмылкой поглядывая на него, раскладывал свои снасти. Удилища, целых две штуки, настоящий бамбук, большая редкость в их местах.

— Ну, чего набычился-то? Всю рыбу не выловлю, и вам с дедом останется. Просто вижу с переправы: ты с заводи уплыл, потом бултыхался в заводи чего-то. Купался, что ли, в воде-то ледяной? Ну и дай, думаю, пока время есть... Или прикажешь назад вёслами махать? Не согласен! Нарыбачишься ещё. Ну! Будь же человеком! Не украду я твою заводь. А вообще-то давай в мою лодку, вместе и порыбачим! А?

Давно Валёк не претерпевал такого обращения с собой. Первая вспыхнувшая обида не позволила расслышать, в общем-то, понятное объяснение и просто понять и уступить, да и правда, можно бы и вместе... Но... В раннем мальчишестве бывало, что старшие ребята, конечно, как-то походя обижали по мелочам; взрослея, научился избегать таких ситуаций. Выросший на книжках (читал запоем), где многочисленные герои боролись и побеждали неправых и нехороших, нажил было обострённое чувство к несправедливости. Но однажды дед, выслушав его очередную обиду, помолчал, чем уже насторожил внука, и сказал:

— Ты привыкай, внук! В жизни не всё так, как в твоих книжках. Люди разные, и одни и те же могут и обидеть, а потом и чем-то помочь, даже выручить из беды. Люди и сами для себя не всегда понятны. Бывает, у человека нелады, а тут ему кто-то подвернулся. Может быть и обида. И сам тот человек этому не рад. Пройдёт время, и он же к тебе с добром. А если с каждым спорить да обижаться — сутягой станешь, а это ещё похуже, чем обидчик. Не теряй себя, ничего никому не доказывай, потому как не докажешь, а просто старайся от такого держаться подале, конечно, если сможешь, потому как иногда так бывает, что и стерпеть трудно.

И вот сейчас, по его понятиям, его незаслуженно и, можно

сказать, нагло обижали, хотя где-то в глубине души Валёк невольно признавался себе, что этот человек чем-то располагал к себе. Да и к тому же он знал о неписаном правиле на реке: если место свободно, можно любому порыбачить; конечно, если на заводь придёт хозяин, то надо уходить, но тут такой случай... Но всё это почему-то не снимало обиду, и он представил себе, как потащится на стан, как будет страдать от невозможности чем-то отплатить обидчику, а тот без мук совести и сожалений будет пользоваться их с дедом трудами. Может быть, пожалует и завтра. Незванный гость меж тем половчее и по-хозяйски устраивался в лодке, основательно готовясь к ловле.

И вдруг Валёк понял, что надо делать. Прикрывая собой место, где привязал лесину-путешественницу, отвязал шнур и потихоньку опустил в воду. Только бы не поплыл... Но шнур сразу скрылся под водой. Всё. Сейчас затишь, значит, ветка отправляется в засаду, теперь только ждать. Он отвязал лодку и с видом унылой покорности стал, борясь с течением, выгребать в протоке между заводью и лежащим деревом.

— Ну что ж ты расшумелся, мореход?! Поттише! Всю рыбу распугаешь!

— Не, я-то не распугаю, только глядите, здесь хозяин живёт, если кто не понравится, то не до рыбы будет.

Это уже на ходу пришло на ум, и Валёк внутренне напрягался, потому как приходилось «шутить шутку» со взрослым человеком, чего раньше никогда не было.

— Какой хозяин? — искренне удивился, оглядываясь на лес и берег, «захватчик».

— В воде он, хозяин. Змей такой... Может за леску ухватить, а может и... за весло...

— Да ты чего? — от души рассмеялся приезжий. — Вроде маленький уже, а всё в леших да водяных веришь?

— Как хотите, не верьте, но вот вы говорите, а он слышит...

— Ладно! Плыви, сказочник, да не обижайся. Если попадётся твоя рыба, обещаю — отпущу. Ну, надо? Выдумал чего! Змей... — и, покачав головой, забросил удочку в тишь заводи.

Валёк приналёг на вёсла; идти бечевой, снова лезть в прохладу воды очень не хотелось, и он стал красться кромкой берега, где меньше течение, цепляя правым веслом береговой песок и не выпуская из виду удаляющуюся лодку.

И вот оно! Рыбак вдруг засуетился в лодке, вскочил во весь рост, и было видно напряжение во всей его фигуре, затем вдруг дёрнулся, зашатался, ловя равновесие, и в сердцах бросил в лодку удилище.

Свершилось! Валёк чуть не в голос, стараясь сдерживаться, чтоб не услышал, хохотал, и,

как бы смотря, куда плыть, отворачивал лицо, и, тем не менее, увидел, как растерянный рыбак повернулся в его сторону. Валёк сильнее заработал вёслами и сделал вид, что не слышит, как тот кричит ему:

— Эй! Парнёк! Слышь-ка! Тут и правда... чертовщина какая-то! Эй! Что тут?

Валёк пересёк реку и погнал лодку по тихой воде к стану, замечая, как успокоившийся рыбак снова забросил удочку.

И вдруг он ощутил, как обдававший жаром даже у воды ветерок стал невозможно холодным, таким холодным, что у него задрожало внутри. Это было какое-то нереальное, взявшееся явно ниоткуда состояние, потому что солнце продолжало сиять на безоблачном небе. У расставленных донков на подстилке из травы восседал дед; рядом, опираясь на связку удилищ, стоял Фрол Макеич, наверное, собирающийся тоже поставить свои донки пониже по течению.

— Кто там у нас на заводёшке? Смотрю, лодка с переправы прошла, да незнакомый там. Он попросился, что ли?

— Это зятёк Ивана, переправщика, — сказал Макеич, — я к нему подъезжал, к Ивану-то, поздороваться после зимы. Вот он и похвалился зятем. Офицер, говорит, в отпуску, захотел на реку, порыбачить.

— Не, не просился, — ответил деду Валёк, — у меня ведь опять

змей удочку чуть не поломал. Пока я с ним разбирался, с заводи снялся, а этот тут как тут.

Дед заинтересованно повернулся к внуку.

— И что? Разобрался?

— Прав ты, дед, оказался. Ветка там огромная от того дерева, что принесло. Течение её мотаает то в заводь, то из неё.

— Ну вот! А ты: змей да змей! А я уж тут и Фрола озадачил чертовщиной этой. Убрал? Ветку ту?

— Сначала привязал к дереву...

— И что? — дед повернулся и внимательно посмотрел на внука.

— Снова отвязал, незаметно... Пусть и этого змей помучает, на чужой-то заводи.

— Вот как, — проговорил дед и снова повернулся к своим удочкам, и Валёк не понял, хвалит он его или...

Ничего не понимающий в их разговоре Макеич озадаченно переводил взгляд с одного на другого. Не вытерпел.

— Какой, к ляду, змей? Иде он тут у вас завёлся?

— Да завёлся такой, — и дед посмотрел в сторону заводи.

И Валёк с Макеичем тоже невольно повернулись туда же. И как раз в этот момент сидящий в лодке рыбак вскочил на ноги, взмахнул руками, растерянно оглядываясь по сторонам, и видно было, как он в сердцах отбросил удилище.

И на Валька опять напал неудержимый смех.

— Всё! Ещё одной удочке капец! Вот змей даёт! Я ж ему говорил... А он: «Сказочник».

Дед, развернувшись на своём травяном «троне», внимательно и серьёзно посмотрел на внука, и Валёк неуютно почувствовал себя под этим непонятным взглядом, перестал смеяться и вновь ощутил, как властная леденящая сила вновь проникла в самое нутро. Привязав к мосткам лодку, пошёл к балагану, с удивлением ощущая, как трудно ему преодолеть крутизну обрыва, которую прежде не замечал.

Открывая дверь шалаша, оглянулся на реку, увидел, что незадачливый рыбак снялся с заводи и выгребает к обрывам; значит, скоро будет здесь и непременно захочет поговорить со стариками. Ну не проплывёт же он мимо после такого с ним происшествия, наверняка захочет разобраться и будет пытаться и у него выведать про «змея». А ему сейчас меньше всего хотелось с кем-то говорить, потому что всё сильнее тянуло просто лечь и хорошо укрыться.

— Здравия желаю, отцы! — услышал Валёк, кутаясь в телогрейку.

— И вам наше здрасьте, хотя мы с тобой, Лексей, ноня на переправе виделись, — и Валёк представил, как Макеич приподнял уважительно свою старинную железнодорожную фуражку,

как он делал всегда, здороваясь.
— Как твоя рыбалка?

— Да вот у вас хотел спросить... Мне ваш паренёк про какого-то хозяина, змея, говорил. Я не поверил, а там и правда... в заводи чертовщина. Все мои снасти порвало.

— Наверное, обиделся тот хозяин, что парня с заводи прогнал, а ведь он её строил, — заговорил дед.

— Да нет! Разве я стал бы прогонять? Увидел с переправы, место освободилось — дай, думаю, душу отведу, с удочкой посижу. Надо же ушицы настоящей отведать, А он, оказалось, там, парнёк ваш, у берега возится. Ну не махать же мне вёслами назад, против течения, не солоно хлебавши. Он ведь живёт здесь, нарыбачится. Да я и звал его: давай в мою лодку, вместе, мол... Ну, если всё-таки обиделись, прошу извинить.

Валёк услышал, как забурлила вода, наверное, всё-таки кончилось непробиваемое добродушие, вон как вёслами заработал, обиделся.

— Постой-ка, — вдруг окликнул дед, — у меня тут добрый почин. Вот возьми-ка пару язёй на добрую уху. Бери, бери, ещё наловлю... А то где теперь устроишься? Да и снасти все порвал!

— Нет! Чего это я... Это не моё.

— Бери, Алексей! Рыба — божий дар, Бог даст — ещё поймем. С тестем соорудите добрую ушицу дана бережку вечером

хорошо посидите, у костерка-то. Держи на здоровье!

— Ну что ж, спасибо! Только, правда, что там за змей в вашей заводи? Я уж прям в него поверил. Так тащит, не удержат!

— Да ветка там какая-то мотается. Завтра с внуком сплаваем, разберёмся. Желание будет — рыбачь. Места всем хватит!

— Спасибо, только мне завтра время убывать.

— Что ж у тебя такой отпуск, короткий шибко? — удивился Макеич.

— Отпуск нормальный, моя воля — весь бы его здесь, на берегу провёл. Жена непременно к морю тёплому рвётся, да и понять её можно. У нас на северах чуть не круглый год зима. Так что будьте здоровы. Ещё раз за рыбку спасибо.

Валёк услышал, как снова заплескалась вода под вёслами, и тут же...

— Да, парень ваш, наверное, в обиде, в балаган забился. Вот передайте ему, как моё извинение, пусть рыбачит.

И на берег, как по звуку понял Валёк, упали бамбуковые удилища.

Такой подарок, о котором он и мечтать не мог, в другое время сделал бы его самым счастливым, но сейчас не только непроходящая дрожь, идущая из самого нутра, но и осознание неправого, несправедливого его поступка по отношению, как оказалось, к нормальному и доброму человеку добавляло душевной мути.

— Слышь, Михалыч! Давай-ка заканчивай промысел, ищо наловишься, — заговорил Макеич. — Я тоже свои донки до завтра отложу. Надо праздничный ужин зачинать к открытию сезона. Валёк, а Валёк! Ты и вправду — чего забился? Чай, не ночь! Давай стол накрывать, я ваши заказы все сполнил, пошли пировать!

Валёк промолчал, он то ли начинал подрёмывать, то ли наваливающееся нездоровье лишило сил. Видно, обеспокоенный его молчанием, стал быстро подниматься к балагану дед, открыл плетёную, из талы, на верёвочных петлях, дверь. Заходящее солнце ярко осветило нутро балагана, и Валёк накрепко зажмурил глаза, не желающие сейчас смотреть на яркий свет.

Дед откинул ватник и приложил шершавую ладонь к его лбу.

— Что такое? Чего это он притих? — в дверь просунулся Макеич.

— Притих! — в сердцах проговорил дед. — Ещё с утра заметил, вроде не в себе. Задумал, вишь, вчера покрепче мостки закрепить, в воде проковырялся долго. Гнал его, вода-то ещё холодна! Да разве послушает, неслух. А сейчас, видно, с этим змеем своим... на заводи добавил. Горит весь.

— Ну-ка посторонись, — Макеич отодвинул деда и присел на корточки. — Тише.

Дед послушно умолк, глядя, как внимательно прислушивается

тот к дыханию больного, потом, как очнувшись, возмутился:

— Ты! Лекарь липовый, будто понимаешь чего!

— Дело такое, — серьёзно заговорил Макеич. — Если в ночь не закашляет, всё обойдётся. А если...

— Да что ты с себя доктора корчишь? Кочегар паровозный!

— Не шуми! Пусть спит. А я мало-мало знаю. Жинка моя — фершал, и хороший фершал. Вот я её книжки зимами-то и почитывал, и спрашивал чего. Да и свои выросли не без моих забот. Тоже ведь всё было, и побаливали, случалось. Пойдём, не мешай, ему сейчас хороший сон все таблетки заменит. Будем подходить, посматривать, ничего, обойдётся. Парень крепкий. Давай-ка за ужин.

Дед убрал с Валька ватник и хорошенько укутал одеялом. Потом за стеной стала позвякивать немудрящая посуда, и в шалаш проникли запахи какой-то еды, вызвавшие лёгкую тошноту, и он плотнее укутался в одеяло. И не раз то ли в забытьи, то ли в яви ощущал на своём лбу дедову ладонь и его перешёптывание с Макеичем.

Открыв глаза в очередной раз, понял, что уже ночь. За стеной шалаша продолжалась, как видно, давно начатая беседа.

—...Нет, по моему разумению, нельзя так... такого человека! Ведь это он войну-то пересилил, всю Европу победил!

— Народ весь победил, не

только Сталин. Трудяги от заводов да от земли пока не взялись за войну, как за тяжкую работу, дело-то не шло! Да и учёный народ крепко помог. А как в тылу бабы да ребятня в холоде да голоде пластались? Разве не победители?

— Ну! Сравнил! Эт дело нехитро... пахать-то, а ты вот попробуй башкой всё правильно разобрать да заране всё увидеть.

— Всё не просто! Так ведь и его не просто так винят. Сколько через нашу станцию спецсоставов прошло? Помнишь? И твоя, и наша бригада, эшелоны, на восток... С раскулаченными... с врагами народа. Не один я тогда думал: да что ж их так много-то развелось? Пока самого не коснулось, знаешь же про моего племяша. Враг! А недавно прислали его матери: оправдан, «нет состава преступления». А отец его, мой братан, с горя в тот же год от сердца помер. Кто ответит?

Дед помолчал и с горечью добавил:

— А если бы эти эшелоны-то, в сорок первом, да на запад бы, на фашиста, может, и мой бы сын...

— Ну, понёс! Время тако было!

— Время! Люди время делают, и ты правду сказал, те, которые не пашут, а башкой... поаккуратней бы им ей работать! Да и как я даже думать боялся, тем, которые пашут, тоже своей

башкой надо уметь варить, а не быть баранами, которых, кто понаглее да посмелее, на верёвочке и...

— Ладно, может, и вправду этот Хрущёв на пользу нам... вишь, коммунизм обещат.

— Да ты что! — с показушным изумлением воскликнул дед. — Вот бы дожить! Ты, сознательный партиец, — на работу! А я, такой-сякой, — в магазин. Наберу всего и — пузом кверху! А кого мне бояться? Милиции, говоришь, не будет! Даже этого... товарищеского суда... А ты — работай!

Опять любимый спор дедов, который не раз слышал Валёк. Заводной, увлекающийся Макеич легко поддавался на подначки соперника. Как видно, привезённую четвёрочку в ознаменование открытия сезона уже осушили, а больше, как они пришли к выводу, им уже и не надо бы. Как-то прошлым летом Макеич удачно продал свой улов кому-то из огородников, съездил в город и на радостях купил поллитру. Усаживаясь в тот вечер за праздничный ужин, приглашённые и принимающие стороны, дед и Макеич, договорились о расходовании только половины, остальное — в госрезерв, но, как всегда, увлёкшись обсуждением мировых проблем, не оставили ни капли. На следующую день оба жалобно кричали и ворчали друг на друга: «Это всё ты!»

Потом они приняли закон: в запас — ничего! «Так как силы у нас ишшо полно, воля тоже жалезна, а вот силы воли, оказыватца-то, и нету», — печально сказал тогда Макеич.

Валёк слышал и не слышал их разговоры, проваливаясь временами в тёмную пустоту.

— Так не станет вас, таких, которы несознательны-то! Партия наша к тому времени народ весь воспитат! И новы люди к тому времени подрастут, вон как Валёк твой.

Сквозь дрёму и слабость, услышав своё имя, Валёк постарался напрячься, удержаться от уводящей в забытьё слабости.

— Вот тебе и ответ на твоё же... — задумчиво проговорил дед, и Валёк расслышал его тяжёлый вздох. — Слышал, как он хорошему парню рыбалку испортил? И всё из-за того, что... моё! Не тронь! Змея своего выдумал... И видишь как? Даже такую хитроумность придумал... змея этого. Нехорошо. Неправильно. Как-то подловато, что ли, когда с обманом да исподтишка...

— Так эт его же заводь-то! Он её строил!

— Вот оно! А ещё в коммунизм собрался, а частник с тебя так и прёт! Вот он, змей-то, в каждом из нас, уже и внука моего нашёл. Ты же слышал, Алексей его в свою лодку звал. Вместе бы и порыбалили, поговорили и друзьями бы расстались. Так нет! Моё — не тронь! Не... не скоро он будет... рай ваш...

Валёк снова как бы начал удаляться, теряя связь с реальностью, но дедовы слова про змея застряли в голове... Он там... сейчас... в заводи притаился, нашёл меня... и снова ждёт... Надо... надо гнать его...

...Удивительно легко встал с лежака и вышел на край обрыва, оглядывая ночную реку. Огромная луна ярко освещала всё вокруг, отчего ещё темнее делались тени от деревьев на обоих берегах. Валёк удивился было полной луне, ведь только вчера вечером дед предсказывал по положению узкого серпа месяца хорошую погоду — «вёдро».

В стороне заводи было темно и... страшно, там виделось... какое-то движение, но он пересилил себя и сел за вёсла. Выйдя на стрежень, не спускал глаз с приближающейся заводи и жутко чернеющего рядом с ней поваленного дерева.

— Ничего ты не понимаешь! Как был тёмной, так и...

— Ты много «понимаешь», сколько лет в городе, а всё «ворочаешь», «понимаешь» да «воспитат»...

Валёк удивился было, так далеко отплыл, а деды говорят рядом. Но приближающаяся заводь... змей...

— Так живу я сам знаешь где, в нашем Курмыше все так толкуют. И дома... жена-то тожа с маёй деревни. А наша паровозная бригада с ними, почитай, всю жизнь! Ведь все ж с Курмыша...

Да зачни я говорить по-другому — и не поймут.

Вот она... заводь! До чего же черна вода... И дерево огромное... Как будто смотрит... на тебя. Вот и ветки наверху зашевелились, а ветра-то нет. Страх, холод, вновь поднимающийся из нутра, и Валёк понял, что ещё немного, и он закричит от ужаса, помчится отсюда прямо вплавь, но опять переборол себя. Подняв высоко весло, стал всматриваться в черноту воды...

Вот оно! Из глубины стало возникать что-то объёмное, непонятное и оттого ещё более страшное... И тогда он с отчаянием обречённого постарался со всей силы ударить веслом... но руки вдруг сделались ватными и...

...На своём лбу вдруг почувствовал Валёк шершавую дедову ладонь, такую родную и тёплую. Стала растворяться и исчезать чёрная заводь, и жуть темноты в ветвях разошлась по сторонам. И к нему пришло облегчающее осознание, что у него есть дед, у него есть мама и такая добрая бабушка, есть дом.

И он видит: сейчас в их доме кто-то разжигает печку, чтобы спасти его, Валька, от злого холода. И вот он уже различает фигуру человека у открытой дверки топки, откуда до него начинает доходить спасительное тепло.

Валёк пытается и не может разглядеть лицо, хотя твёрдо знает, что никогда... никогда не увидит этого лица. И ещё он знает, что бросает дрова в печь его отец. И тепло ощутимо доходит

до него, прогоняет потихоньку злой холод. Всё как тогда, как было с ним давным-давно, когда только начинал понимать окружающий мир, начинал что-то помнить...

Он сильно болел, лежал, укутанный до глаз во все мыслимые одежды, но ледяной холод нетопленного дома, которым он трудно дышал, неумолимо вытягивал остатки тепла из самого сердца. И вдруг почувствовал, как откуда-то повеяло, сначала чуть слышно, теплом, и, открыв глаза, увидел, как в печи разгораются дрова. Их подбрасывает в топку человек, неясную фигуру которого он видит, пытается рассмотреть его, узнать...

...Потом ему рассказывала мать, что в конце зимы сорок пятого отец ненадолго заехал домой после госпиталя. Войдя в дом, почувствовал ледяной холод и увидел своего замерзающего сынка, рядом — плачущую от радости встречи и навалившейся невзгоды свою постаревшую мать. Отца его, железнодорожника, давно не было дома — в нескончаемых поездках, а жена, как рассказала мать, уже несколько дней в командировке, в госпитале соседнего города, и должна сегодня-завтра вернуться. А она уже всё сожгла, что могла сломать и порубить... и теперь может только плакать, глядя на угасающего внука.

Тщетно искал тогда отец каких-то дров и, не найдя ничего, пошёл к соседу, деду Тимофею. Тот только развёл руками, сами

со старухой сидят в холоде, но потом вывел в сени и, дав топор, велел выломать несколько досок из стены, выходящей на крыльцо: «Ломай поаккуратней, вернёшься — починишь!»

И это мгновение у печи — единственное, что осталось в памяти Валька о его отце. Как узнал потом, отец ещё несколько дней был дома. Через военкомат смог добиться, чтобы им привезли небольшой воз дров. И, как рассказывала мать, много возился и играл с сыном. Ему пытались напомнить и то, и это, и Валёк старался что-то вспомнить, но в памяти только яркая картинка открытой дверки топки печи, оживляющее тепло от неё, и неясная фигура человека, его отца, и... всё.

И сейчас такая же тёплая благодать проникала в самую душу, помогала расслабиться, растечься по лежаку всему выздоравливающему телу. Он не сводил взгляда с фигуры у невесть откуда взявшейся печи, он хотел сказать: «Спасибо, папа!» — но слово, которое ему не привелось говорить ни разу в жизни, не ложилось на язык, не произносилось. «Скажу потом», — подумалось ему.

И вдруг он осознал, что этого «потом» никогда больше не будет

и отец, снова спасший его, не услышит от него слов благодарности. И вот так, пусть только неясную тень его, тоже никогда не увидит. И Валёк, с усилием, преодолевая непослушность губ, ясно произнёс: «Спасибо... папа».

Он не почувствовал, как сидящий рядом с ним дед в потрясении стал тормозить его:

— Что? Что ты сказал... внучек? Кому... кому спасибо?

Опомнившись, дед утих, замечая с радостью, как порозовели щёки внука и как хорошо и ровно он задышал в здоровом и глубоком сне.

Он встал и перекрестился. «Сподобил, Господи! Дал сыну моему милость... из дали невозвратной... помочь своему сынку, моему внуку!»

Дед, ссутулившись, немного посидел, потрясённый неожиданным напоминанием о его горькой, неизбежной потере, потом поправил одеяло на спящем внуке.

В открытую дверь балагана видно было, как поднимающееся солнце залило тёплой ярью вершины заречных осокорей и песок береговой отмели, теплом дохнуло внутрь, прогоняя ночную стынь.

Ничего, внук! Будем жить!